

Нашествие

Русская Лолита!
ПОЖАР НАДВИГАЕТСЯ

Алексей Наст

18+

Алексей Николаевич Наст

Русская Лолита!

Пожар надвигается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31259694

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11499-9

Аннотация

Второй роман тетралогии "Нашествие". Средневековая Русь на пороге татаро-монгольского вторжения. В княжествах беспокойно. Но жизнь идёт своим чередом. Они любят друг друга. Ему 26, он женат, двое детей. Ей 14, она дочь главного воеводы. Отец узнал, хочет порвать его, уничтожить всю семью – власть позволяет... Он в бегах... Все страдают. Вот вам и любовь!... Да, и в то время 14 – брачный возраст, а читателям ограничение +18, а то тут много всего такого эдакого... Всякого...

1231 год.

Жил не тужил молодой нойон Аян под крылом великого Бату – внука Чингисхана, исполнял посольские поручения, много земель повидал и народов. Только однажды случилась беда – пока он был в долгой отлучке, погибла любимая жена. Аян знал, что виновен в том брат Бату надменный и хитрый Берке. Только как отомстить такому могущественному человеку? Пришлось «смириться» – ужать боль в кулак и ждать случая поквитаться. А Берке почувствовал неприязнь Аяна, отправил его подальше с глаз – в действующее в Китае войско великого хана Угедя... Может, и к лучшему. Плетью обуха не перешибёшь. Наломал бы дров со своей мстью Аян, и ничего бы не добился – хорошая охрана у Берке. Сам бы жизни лишился, и всё...

Время шло, и боль утраты любимой притуплялась – военные будни поглотили своим кровавым течением. Но и здесь не забывали, что Аян – опытный посланник, потому часто использовали его, как порученца для важных сообщений. В этот раз прославленный Субедей– багатур осадил столицу чжурчженей город Бянь, и отправил Аяна к великому хану Угедю сообщить, что скоро твердыня падет.

По пути к Енкину, где располагалась ставка великого хана, отряд Аяна заехал к Джебе– нойону, передал краткое послание Субедея, сделал небольшую передышку. Джебе– ной-

он, второй из великих псов Чингисхана, посетовал на малочисленность пленных в хараше – не хватало людей для осадных работ, попросил Аяна передать великому хану просьбу: пусть пригонят побольше китайцев.

Через неделю пути, Аян прибыл в орду великого хана Угедэя. Ставка тысячами юрт и шатров напоминала большой город. Толпы воинов, простолюдинов и торговцев толкались в будней суете.

За ставкой, отдельным табором, расположились горящие пленники. Табуны лошадей, гурты скота, бесчисленные вереницы повозок обоза – всё это растянулось до самого горизонта.

Угедэй был всегда занят – совещания с тёмниками и нойонами, охота, дурное настроение. Аян бестолку болтался в ставке почти месяц. Наконец, всё пришло в движение – орду снималось с места, Угедэй приказал перебираться за Хуанхэ.

Аян, наконец, смог встретиться с младшим братом великого хана Тулуем, передал просьбу Джебе о хашаре.

Тулуй отмахнулся.

–Про то не раз гонцы доносили. А где взять хашар?

Тулуй прошёл к резному креслу – по примеру великого хана, не любил сидеть на войлоках, указал Аяну на место у стены шатра.

–Мы сами испытываем недостаток в пленниках. Китайцы разбегаются, да и мало их – наш великий отец постарался, изводил не жалея.

Аяну было всё равно. Он хотел одно – получить разрешение на обратный путь. Тулуй знал это, потому, улыбнувшись, сказал:

– Не это занимает тебя. Берке просил, чтобы ты побыл в войске великого хана до осени. Я думаю, ты «погостил» достаточно. Можешь отправляться к Бату, когда пожелаешь. Здесь у нас всё хорошо. Великий хан хочет, чтобы и на западе всё было также. Ты понял меня, Аян? Земли запада также важны для Монгольского ханства, как и земли востока. Скажи это Бату. И передай Берке, чтобы во всём помогал брату. Думаю, копыта монгольских воинов вытопчут все земли мира, но это случится, если все чингизиды будут, как крепко сжатые пальцы одного кулака. Не следует потомству Чингисхана плести интриги друг против друга... Это тоже передай Берке... Я люблю его. Но это мои слова для его... Иди.

Аян обрадовано поклонился (Домой! Домой!), но Тулуй протянул руку, останавливая его радость.

– Домой поедешь через Корею.

Аян онемел от неожиданности (через Корею?!), радость погасла.

Тулуй, хитро щурясь в улыбке, заметил:

– Тебя ведь ждут не раньше осени, так что успеешь сослужить ещё одну службу великому хану. Заедешь к Саритаю. У него пленников сверх меры. Передашь повеление Угедэя, чтобы под конвоем гнал сюда молодых и выносливых. Чем больше, тем лучше.

Аян всё понял. Потому-то про него, вдруг, вспомнили, после месяца вынужденного безделья – посланник нужен к прославленному полководцу, и ранг Аяна соответствовал этой миссии, потому Тулуй захотел принять его, потому и «отпустил домой» раньше обещанного Берке срока. И, прав был Аян, когда подумал плохо о Берке – плел интриги брат против хана Бату. Снедают его злые помыслы, жажда власти и своекорыстие... А дядья Тулуй и Угедэй подумали, подумали над его наветами, видимо, выяснили необходимое, и теперь Аян передаст Берке то, что велели передать – смири гордыню и будь во всем послушен Бату-хану. Вот для чего Аян здесь оставался – он ждал решения участи Бату и Берке, чтобы привести вести в улус Джучи... Вот в чём интрига его пребывания в армии великого хана. Понятно... Но ехать в Корею очень не хотелось. Домой ведь путь на запад, а тут совсем в другую сторону – на восток.

Аян попытался «возразить»:

– На доставку хашара из Кореи уйдёт много времени. Пока корейцы дойдут к Бяню, всё будет кончено.

Тулуй многозначительно посмотрел на него, улыбнулся, но промолчал.

Аян упал ниц – ханы приказов не повторяют...

С нукерами сопровождения, которым было велено не только проводить Аяна к полководцу Саритаю, но и до самого дома – ставки Бату, поскакали на север – в Енкин.

У Енкина, уже оправившегося от опустошения, встреча-

лись толпы китайских ополченцев – китайцев из окрестностей города, кое-как вооружив, гнали на юг.

Енкин поразил Аяна размерами и укрепленными, мощными стенами. У ворот толпилось множество нищих и калек, протягивая руки и, гнусавя на непонятном языке, просили подаяния.

Аян пробыл в городе пять дней, осматривая восстановленные буддистские монастыри, причудливые дома китайской знати, теперь служившей монголам, руины дворца цзинского императора. Очень многие кварталы, до сих пор стояли разрушенными и выглядели зловеще.

В городе был многочисленный гарнизон – китайцы, кидании, монголы. На бесчисленных рынках проводились бесчисленные облавы. При виде монгольских нойонов, китайцы бросались врассыпную, словно тараканы.

Аян остановился в доме тысячника Бериду, служившего в Китае ещё со времен первого покорения Чингисханом. Бериду часто покидал город – его тысяча занималась набором ополчения из енкинской округи.

Аян, после сытной трапезы, вечера и ночи проводил в обществе пугливых, маленьких китайянок. У Бериду их было целое стадо, и держал он их, как скот, в помещении с низким потолком, но кормил хорошо и чисто одевал. Многие из них были очень молоды, многим было далеко за тридцать, но Аян задался целью попробовать всех, и бросил, смеясь, изведя все силы – наложниц оказалось слишком много.

Уезжая из Енкина, Аян увидел новую резню – взбешенный выговорами за плохую мобилизацию крестьян, Бериду излил злость на калек и нищих у городских ворот – монголы прижали китайцев к стене и, среди жуткого воя и воплей, стали сечь саблями и бить секирами.

Аян прибавил ходу. Конь понёс. Крики затихали и, наконец, прекратились, только ржали лошади. Аян стал сдерживать коня. Нукеры обгоняли, сбавляли ход. Он оглянулся – у ворот всё было кончено.

Китайцы из гарнизона, деревянными пиками с крюками, волочили трупы к повозкам, чтобы увезти их дальше от города и захоронить.

–Что? – спросил полусотник.

–Едем, – Аян хлестнул коня камчой.

Через Ляодун ехали быстро, не задерживаясь. Ляоян объехали стороной – у Аяна отпала охота вновь погружаться в чуждую атмосферу городской жизни. Он любил простор бескрайней степи, или сон в поле с чистым небом над головой, милее же всего, как и любому монголу, ему была уютная юрта. Стены городских домов давили, лишали воздуха. Пусть в городах живут китайцы и сартаулы, а монголу нужна свобода.

Ближе к корейской границе встречалось много монгольских разъездов и пешие колонны мобилизованных киданей – Саритай воевал с корейцами силами монгольской конницы и ополчением киданей и бохайцев. Там и тут попадались

истлевшие скелеты людей – следы давней бойни, устроенной киданями при первом нападении на Корею.

За рекой Амноккан пошли выжженные деревни и городки, смрад тлена наваленных кучами трупов. То и дело, наткнувшись на монгольские сотни армии Саритай, рыскающие по корейской земле в поисках добра и пленных, показывали золотую пайцзу. Нахальные воины или молча отъезжали, не выказывая почтения, или пытались угрожать, но Аян умел говорить с грубиянами.

Отряд углублялся всё дальше, ночевали у дорог. Туман стелился белым дымом. От сладкого привкуса разложения есть было противно и, однажды, Аян выbleвал съеденное на траву. Его всё сильнее тяготила непривычная обстановка большой войны, стелившей повсюду ковёр смерти, и тяжёлый климат Китая и Кореи, влажный и болезненный. Зато отсюда он помчится в родную степь, туда, где ветер чист и прозрачен, а воздух наполняет лёгкие ощущением полной свободы.

Саритай, разбив в нескольких битвах корейское войско, продвигался к столице Кореи Сонгдо. Аян нагнал армию на марше, говорил с Саритаем на ходу, не слезая с седла. Саритай ехал, глядя на грозную колонну подвластных его воле туменов, и упивался безграничной властью. Аян подумал, что, если бы не ранг посланника Угедэя, «великий Саритай» и слушать бы не стал «ничтожного Аяна».

–Мои тумены идут к столице. Я возьму столицу, а прави-

теля Цой У и его марионетку, корейского бурхана, отправлю в повозке из под аргала в орду великого Угедэя. Мне самому нужны пленные. Корейцы разбегаются, сбиваются в вооружённые толпы, чинят препятствия моим воинам. Возьму Сонгдо, тогда отправлю хоть сотню тысяч!

–Саритай-нойон, это повеление самого великого хана Угедэя! – повысил голос Аян.

Саритай выпятил нижнюю губу и, стегнув коня, умчался прочь.

«Делай, что хочешь!», – зло подумал Аян. Он порученное исполнил, остальное его не касалось. Завернув коня, поскакал прочь. Нукеры, послушным табунчиком, припустили за ним. Теперь ему ничего не нужно, он едет домой...

Обратный путь показался невероятно долгим. Осень клоунила к зиме. Ночи стали холодными. Из Ляодуна поехали через земли между внутренней и внешней китайской стеной. Людей не встречали больше двух недель, ехали пустынными пастбищами – здесь китайцы не селились уже десять лет.

Когда Чингисхан, предав землю цзиней огню и смерти, уходил в Монголию с многотысячными толпами пленных, здесь, за внутренней стеной, за ненадобностью и, показывая свой гнев, Потрясатель Вселенной приказал вырубить всех китайцев, за исключением искусных ремесленников. Несколько сот тысяч пленных рубили всем войском сутки напролёт. Почти год нельзя было проехать через степи, усеянные разлагающимися трупами. Теперь всё вокруг устилал

слои истлевших, выбеленных дождями и снегом, костей. Копыта с хрустом ломали черепа.

Так ехали трое суток, и спать приходилось, не слезая с седла. Потом выехали на берег Хуанхэ. Впереди была Алашаньская пустыня, и дорога сворачивала к югу. Здесь, ещё совсем недавно, существовала обширная империя тангутов, теперь ставших рабами и забывающими свой язык. Все монголы знали поучительную историю гибели тангутов, призревших повеления Потрясателя Вселенной. Знал её и Аян...

Ещё в 1205 году, разбив на Алтае найманов, Чингисхан с похода отправил два тумена конницы, которые ворвались в пограничные районы Си Ся – Шачжоу и Гуачжоу, ограбили округу, угнав гурты скота, и разорили крепость Лицли и город Лосы.

Столь лёгкая победа определила новый поход – в 1207 году монгольские тумены осадили в предгорьях Алашаня крепость Валохай и, до лета 1208 года, совершали грабительские рейды по округе. Тангутское войско отогнало монголов в степи, не нанеся им никакого урона.

В апреле 1209 года Чингисхан сам повёл монгольское войско на тангутов. Теперь его целью было полное покорение Си Ся и захват всех богатств.

Навстречу монголам выступило большое войско, во главе с наследником престола Чэном и главнокомандующим Гао. Пешее тангутское войско было разгромлено, главнокоманду-

ющий попал в плен, наследник престола чудом спасся. Чингисхан захватил и разграбил Валохай.

Вглубь страны дорогу преграждал Алашаньский хребет. Единственный проход запирала крепость Имынь, куда тангуты стянули пятьдесят тысяч воинов. Началась летняя жара – пески близкой пустыни дышали зноем. Два месяца оба войска стояли в бездействии и, только осенью, выманив тангутов притворным бегством, монголам удалось их разгромить и прорваться через перевал.

В октябре монгольские тумены подошли к столице Си Ся, которую, видя в постоянных поражениях гнев богов, назвали Чжунсин (Возрождение). Город был осаждён.

Сберегая собственные силы, монголы сгоняли под стены тысячи местных жителей, для чего каждому конному воину было поручено привести по десять пленников, и, под градом стрел защитников, засыпать рвы, делать подкопы. Пленные возвели на реке плотину, вода пошла в непокорный город – глинобитные строения разрушались, начались эпидемии и болезни. Наступали холода.

Тангуты отправили посольство к чжурчням, прося помощи, но Цзинь ответила отказом.

Чингисхан устал ждать. Он потребовал от императора тангутов Ань– цюаня огромную дань, признание своей зависимости и военную помощь в походах на другие страны. Ань– цюань отказался давать воинов, но выдал требуемую дань, собрав с Си Ся множество верблюдов, лошадей, шелка,

оружия и риса. В жены Чингисхану была отдана принцесса Чахэ.

Пресыщенные монголы ушли в степь.

Покорив Китай, Чингисхан начал готовиться к походу на хорезмшаха Мухаммеда. Сил не хватало, и он потребовал помощи от тангутов. Но император Си Ся ответил с дерзким вызовом: «Тебе нужны новые земли, сам и воюй, а нет сил – не называй себя великим ханом!». Оскорбление было столь велико, что Чингисхан поклялся отомстить.

Возвратившись весной 1225 года из похода на хорезмшаха, Чингисхан решил мощным ударом стотридцатитысячного войска разом уничтожить государства тангутов и, с тыла, продолжить вторжение в разорённую, но ещё существующую империю Цзинь.

Тангуты ждали войны с монголами. Зная о возвращении Чингисхана из похода, император Цзунь-сян отрёкся о престола в пользу своего сына Дэ-вана, любимца воинов и народа. Чтобы не иметь войны на два фронта, в конце 1224 года тангуты заключили мир с цзинями, с которыми вели продолжительную войну, начатую ещё в 1214 году.

Видя усиление тангутов, монгольские тумены, оставленные Чингисханом для войны с чжурчженями, вторглись в Си Ся, но были наголову разбиты и отброшены.

Тангуты начали искать союзников среди покорённых монголами степных племён – многочисленные лазутчики вели переговоры с уйгурскими вождями, чьи владения, богатые

города Хотан, Бишбалык, Бейтин, стремительно приходили в упадок – уйгурские мужчины своей кровью добывали монголам новые завоевания, хозяйство разрушалось, многолюдные районы вокруг озера Лобнор теперь были пустынными пастбищами.

Стремясь отрезать тангутам выход в Уйгурию, корпус монгольской конницы, оставленный Чингисханом сохранять порядок в Монголии, осадил город Шачжоу. Простояв бесполезно месяц у стен, монголы вернулись в степи.

В феврале 1225 года Чингисхан отправил к Дэ-вану посольство, требуя прислать к себе своего сына в качестве заложника. Дэ-ван отказался.

В марте была предпринята ещё одна попытка объединить силы тангутов с недовольными властью Чингисхана племенами – Дэ-ван принял у себя Шилгаксан-хону, сына хана разгромленных найманов. Но было поздно – в ноябре 1225 года Чингисхан повёл бесчисленные тумены в Си Ся.

Движение войска было остановлено из-за болезни Чингисхана – он упал с лошади, во время охоты, и сильно расшибся.

Проболев всю зиму, только весной 1226 года он пересёк границу тангутского государства в низовьях реки Эдзин-гол. После кровопролитной осады и штурма, был взят город Хэйшуй. Тангуты потеряли несколько десятков тысяч убитыми.

Монгольское войско, широким потоком, как всепожирающая саранча, двигаясь вверх по Эдзин-голу, вышло в предго-

рья Наньшаня. Здесь Чингисхан устроил свою ставку, откуда, пережидая жару, посылал отдельные тумены на разграбление ближних округов.

В июне 1226 года, после упорной осады, повлекшей громадные потери среди монгольских воинов, пал город Сучжоу, за что все жители были уничтожены, а город превращён в развалины.

В декабре монгольское войско переправилось через Хуанхэ на восток страны.

У Линьчжоу стотысячная тангутская армия встала на пути туменов и, фланговым ударом, опрокинула монгольскую конницу. Чингисхан личным примером сумел остановить тумены, заставив сражаться. Потеряв тысячи воинов, монголы сумели переломить ход битвы и разгромить тангутов. В Линьчжоу была устроена страшная резня.

Больше обороняться было некому – пусть к столице Си Ся Чжунсину был открыт. Чингисхан осадил город, отделив часть сил для облавы уцелевших тангутских крестьян. Вся страна была усеяна костями убитых.

В Чжунсине правил князь Сянь, сменивший умершего Дэвана. К лету 1227 года тангутского государства уже не существовало – города и селения лежали в развалинах, жители были поголовно перебиты или угнаны в рабство. Держался только Чжунсин.

Чувствуя приближение смерти, Чингисхан обещал Сяню сохранить жизнь, если он сдаст город. Тангуты попросили

месяц отсрочки, на что последовало согласие. Умирая, Чингисхан велел убить всех жителей Чжунсина. Пока не открылись ворота города, смерть Потрясателя Вселенной держалась в секрете. А, когда ворота были отворены, монголы вошли в город и вырезали всё живое, залив улицы реками крови...

Аян с полусотней остановились на отдых у развалин Чжунсина.

Этот район, до сих пор, был заброшен, но китайские крестьяне начали селиться у стен в камышовых мазанках. Полусотник Ниюй, взяв десяток воинов, налетел на китайский посёлок, в надежде разжиться мясом – за время пути по безлюдью, питались одним сухим хурутом. Китайцы разбегались или падали на колени и выли в голос. Воины стегали их плетями, рыскали по лачугам.

Аян слышал вопли, но не обращал внимания, был задумчив. Может, правда, добудут несколько овец, и можно будет поесть мяса. Издали неслись дурные крики женщин – молодые воины решили позабавиться. Это Аяну надоело, и он отправил к Ниуюю воина, чтобы последний немедленно внушил китайцам – или они прекратят орать, или их вырубят. Через некоторое время примчался Ниюй, спрыгнул с лошади, бросил под ноги связку курей со свёрнутыми головами.

– Ни одной овцы! Живут, как крысы, – недовольно пробурчал он, поманил к себе воина-баурчи, отвечающего за

приготовление пищи, повелел отварить курятины для Аяна, остальное пустить на суп воинам.

После сытной еды, Аян растянулся на войлоке, подложив под голову ладони, смотрел в небо. В посёлке китайцев всё успокоилось – китайцы разбежались, и их не было видно. Воины, не успокоившись, периодически наезжали на опустевший посёлок, умудрялись находить какое-то добро, прятали в седельные сумы.

Он Чжунсина снова ехали пустынным безлюдьем. Встретили людей только в Уйгурии. В некогда многолюдной и богатой скотом области, лишь изредка попадались юрты кочующих семей.

Аян ехал мимо, не задирая жителей – уйгуры считались коренными подданными Великого Монгольского ханства и, за произвол могло последовать суровое наказание.

Дав воинам несколько дней отдыха у Турфана, дальше ехали проторенной почтовой дорогой через земли улуса Джучи в ставку Бату.

Орду Бату за лето откочевала в долину реки Ирғиз, в предгорья Мугоджара. С неба уже не раз вперемешку с дождём валила снежная крупа. Было холодно.

Аян появился в ставке хана, когда того не было – он уехал охотиться. Войско улуса готовилось к большому походу, и монгольские сотни и тысячники обучали кыпчакские отряды беспрекословно выполнять повеления и соблюдать законы монголов. Облавная охота, когда по многу суток воины

не слезали с сёдел, спали на земле и снегу, ели только хурут или не ели вообще, закаляло и делало войско послушным и управляемым.

В орду хозяйничал Берке.

Аян передал слова Тулуя, обращённые к Берке. Тот выслушал, глядя в пол своей юрты, кивнул, потом, вздохнув, посмотрел на Аяна, улыбнулся.

–Бату-хан возглавляет охоту. Дорога была дальняя, можешь отдохнуть в семье. Как Бату вернётся, тебя позовут – расскажешь о войне с чжурчженями.

Аян склонил голову, сказал:

–Хан, меня сопровождали воины из ставки великого хана Угедэя. Им нужен отдых, прежде, чем они отправятся в обратный путь.

–Их разместят на отдых, они будут сыты и, когда соберутся обратно, получат новых лошадей.

Аян снова поклонился, и вышел из юрты. Велел полусотнику сопровождения Нию ждать.

–Вас разместят, вы хорошо отдохнёте несколько дней, выдадут новых лошадей и провизию в дорогу.

Нию благодарно поклонился.

Аян стремительно вскочил в седло своего жеребца и торопливо поскакал к своему куреню – у него было несколько юрт в орду Бату, и отдельные айлы пастухов в Приаралье, где набирали вес его отары и табуны.

Дом навалился радостной толчеей, хлопотами жён, возней

маленьких разбойников– сыновей. Аян восседал на стопке войлоков, грузный от архи и объевшись мяса, смотрел на жён – глаза играли томлением, и было хорошо на душе – он дома, все вокруг любят его, у него много добра, он сыт, сыновья растут опорой в делах, ночью он изведает ласки старшей жены, а рассвет встретит в юрте младшей. А утром его вызовет Берке и, рассыпая ядовитый смех, будет выпытывать промахи Субедея, чтобы потом, при случае, очернить знатного полководца в глазах родственников– чингизидов. Берке всех чернит, всех подозревает в хитроумии. Этим добивается расположения сыновей Чингисхана. Далеко метит в своих мечтах. Что-то случится с Бату – он будет первым наследником на трон улуса Джучи. Таковы дальние планы Берке, и они теперь были понятны Аяну. Но Аян для него пешка в большой игре и, при случае, он будет рад им пожертвовать. Только Бату гарантирует жизнь и преуспевание Аяну и, дай ему долгую жизнь, о, Вечное Синее Небо!

Утром Аян, только рассвело, сидел у юрты харачу-работников, наблюдал, как ловко болтая колотушкой, взбивают кумыс. Надо было собираться, ехать к Берке, хотя тот ещё не вызывал. Настроение было мрачное.

Неожиданно он увидел воинов, въезжающих в его курень. Аян сразу узнал Берке.

Брат Бату натянул поводья, улыбнулся:

–С утра уже еду в гости.

–Это для меня большая честь, – поклонился Аян.

Берке спешился, отдал повод своему нукеру.

Засуетившиеся харачу быстро расстелили ковёр на земле – Берке не пожелал идти в юрту, хотел понежиться в последнем тепле осеннего солнца. Аян торопливо отдал распоряжения, баурчи принёс всё необходимое для трапезы: творог, кумыс, сушеные фрукты, вяленое и варёное мясо.

Берке сел на шёлковую подушку, указал Аяну и одному из нукеров, одетому просто, но в богатом поясе, чтобы тоже присаживались.

Указывая на нукера, Берке пояснил Аяну:

–Посланец Чагатая нойон Гуюн. Приехал к нам поделиться радостью – последний хорезмшах Джелал-а-Дин окончательно разгромлен и убит. Хан Бату занят облавной охотой, и я убедил Гуюна дожидаться Бату здесь, в его орду.

Баурчи неслышно накрыл дастархан, налил в чаши архи. Берке не спеша выпил, довольно крякнув, заел вяленой зайчатиной.

–Как там наш знаменитый Субедей? – спросил, ухмыляясь.

Аян решил порадовать Берке.

–Субедей, под старость, хочет пожать славу победителя цзиней. Своими туменами он разбил войско Алтан-хана и осадил Бянь. Но город держится. У монголов большие потери. Субедей, в гневе, вырезает китайцев десятками тысяч. Но Бянь ему своими силами не взять, а помощи он не просит. Великий хан перенёс войну за Хуанхэ. Я был у Саритая в Ко-

рее. Саритай возвеличивается сверх меры, повеления великого хана игнорирует, мол, сам решит, когда их исполнять...

–Да-а, – наиграно сокрушаясь, но радуясь в душе, закивал головой Берке и подал чашу для новой порции архи. Выпив, стал есть холодное мясо, закусывая дикий чесноком – по-монгольски. Рыгнув, отозвался, явно удовлетворённый. – Такого шатания при великом Чингисхане не было. Мой дядя Угедэй слишком добр.

Гуюн чувствовал себя рядом с Берке сковано, неохотно жевал вяленую дыню.

–А как улус Чагатая? Крепок? – чтобы оживить беседу, обратился к нему Берке.

–В улусе Чагатая Ясса Великого Чингисхана соблюдается строго.

–Это хорошо. Расскажи нам, Гуюн, что у вас случилось с Джелал-а-Дином. Долго он был непокорен!

–Теперь всё кончено!

Аян разом выпил архи, вытер рот ладонью – всё меньше врагов выдерживают борьбу с монгольским войском, но появляются новые и новые. Как знать, когда хан Бату поведёт свою конницу в поход за Волгу. Может быть, уже весной. Торопись радоваться жизни, нойон Аян, радуйся и борись – хан Берке щурит глаза в улыбке, а сам таит в них угрозу – он хочет держать Бату в своей воле... Да и только ли Бату!

23 ноября 1221 года рыхлое войско Джелал-а-Дина было окончательно разгромлено Чингисханом на берегу Ин-

да. Мусульмане дрались ожесточённо, с отчаяньем обречённых, но монголы прижали их к реке и посекли. Джелал-а-Дин бросился, вместе с лошадей, в бурные воды. Переплыть Инд смогли только четыре тысячи воинов.

Чингисхан не стал переправлять войска в Индию – это спасло Джелал-а-Дина.

Обессиленные мусульмане несколько дней оставались на берегу, а потом вступили в неравную схватку с войском раджи Лахора. В стремительном бою индийцы были разбиты. Лахор стал владением хорезмийцев.

Султан Итульмиш, владетель огромного Делийского султаната, включавшего всю Северную Индию и Бенгалию, выслал против Джелал-а-Дина огромное войско, но вторжение в Лахор монгольских туменов в поисках владетеля мусульман и осада города Мултана, заставили Итульмиша вступить с Джелал-а-Дином в союз. Два тумена монголов были не в состоянии принять бой с союзными силами, они бросили осаду, вырубали десять тысяч пленников, захваченных в индийских землях, и ушли за Инд.

Пока монголы находились в Афганистане и Хорасане, Итульмиш мирился с присутствием в Лахоре мусульманского войска, тем более, что Чингисхан передал ему послание с угрозой покорить Делийскую державу – союзники были нужны. Но, как только Чингисхан повёл войско обратно, индусы вынудили Джелал-а-Дина убраться за Инд.

Не задерживаясь в разорённом монгольским нашествием

ем Афганистане, он двинулся на запад Ирана, который уже успел прибрать к своим рукам багдадский халиф Мустансир.

Разбив войско Мустансира, в 1224 году Джелал-а-Дин закрепился в Табризе.

Пополнив войско иранцами, Джелал-а-Дин не возобновил борьбу с монголами, считая возврат прежней державы отца невозможным. Он повёл вторжение в Закавказье, создавая новое государство.

Осенью 1225 года, у города Гарни, объединённое армяно– грузинское войско Иванэ Долгорукого дало бой войскам Джелал-а-Дина, но было разбито и отступило к Тифлису. В декабре 1225 года мусульмане осадили Тифлис, однако взяли город только осенью 1226 года, устроив всеобщую резню и грабёж.

После захвата Восточной Грузии, Джелал-а-Дин напал на Армению, но овладеть главными городами страны Карсом и Ани не смог.

Джелал-а-Дин сделал своей ставкой город Гянджа в Ширване. Война на его границах не утихала не на месяц. Пришедшим в 1230 году в Муганьскую степь монгольским туменам Джелал-а-Дин смог противопоставить ослабленное и утомлённое войско. В битве мусульмане были разбиты, Джелал-а-Дин укрылся в Гяндже. Начались поборы и мобилизация. Весной 1231 года насилие и беспредел взорвали Гянджу восстанием бедноты. Джелал-а-Дин бежал с остатками войска в верховья Тигра. Здесь он был настигнут монголами и

у великого князя Болеслава.

Семён, то и дело, раскланивался с пышными панами в роскошных одеждах, спесивых, оглядывавших русского посла с ноткой презрения. Но они бодро выдавали приветствия, интересовались целью посольства, а узнав, ругали немецких рыцарей. Самые ретивые грозились, как-нибудь, извести тевтонов, забравших в свою власть польскую Мазовию и, некогда зависимых пруссов. Семён, в душе, потешался, но его раздражало вынужденное уклонение с прямого пути.

Микула подзуживал, ворча:

–Говорил Кистень – намаемся через Польшу ехать.

Болеслав, уже извещённый о посольстве, принял сдержанно, больше говорил о своих претензиях к Даниилу Волыньскому, но крестоносцев тоже ругал и, под радостные возгласы панов и голодной шляхты, объявил большой пир...

Таким же манером, пируя у великих и удельных князей, посольство, ни шатко, ни валко, продвигалось на запад.

Польша, разделённая на великие княжения: Малую Польшу, Великую Польшу, Куявию, Мазовию, Силезию, и десятки удельных княжеств, переживала тот же период упадка и междоусобных ссор, что и соседняя Русь. Крестьяне, разорённые алчностью панов, устраивали бунты, жгли панские имения, крестоносцы и литва грабили и били их почище панов, церковь следила за правильностью веры, а Семён, уже по зимнему пути, покинув беспокойную землю, въехал в земли

славян лютичей, сорок лет, как присоединённых к Германии. Немцы совершили не один крестовый поход на ободритов, лютичей и поморов, прежде чем утвердились в их лесных землях. После жестоких казней тысяч славян, оставшихся в живых принудили принять католическую веру, земли раздали немецким колонистам, и основали Мекленбургское княжество. Здесь посольство столкнулось с рыцарями в стальных латах и плащах с крестами. Отношение было самое нетерпимое и, не раз Семён думал, что его небольшому отряду придётся погибнуть в неравной рубке. Но посольский титул удерживал рыцарей от расправы. Переговоры всегда вёл толмач Ингатий, видимо, он знал, что нужно говорить, чтобы остудить горячие головы.

Здесь Семён узнал, что император немцев Фридрих Второй находится в Италии, в Сицилийском королевстве, которое подчинялось его власти, и наводит там немецкий порядок.

Поехали в Бремен, к бременскому епископу, которому подчинялись крестоносцы из Пруссии и Прибалтики.

Проезжая через земли лютичей, Семён видел, что дикие, лесные места, перемежаются ухоженными полями, мельницами, устроенными дорогами. Тут и там встречались грязные и бедные деревни славян – прибывали они в самом рабском состоянии, были запуганы до предела и, всякий раз разбегались или покорно гнули спины перед всадниками.

–К этому и на наших землях они стремятся, – сказал Сё-

мен своим.

Микула, всегда находивший едкое слово, в этот раз хмуро промолчал.

В Саксонии посольство, наконец, получило в сопровождение отряд рыцарей, во главе с бароном Генрихом, смешливым, грубым мужчиной, любившим выпить и поохотиться – он рассказывал Семёну о бесчисленных убийствах зверья, считая русского воеводу равным себе по рангу и не возвышаясь, но бывало, вёл себя панибратски – мог хлопнуть по плечу, рассмеяться в лицо своей же шутке. Семёну это нравилось – живой человек.

Германия переживала не лучшие времена – королевская власть всё больше уступала произволу герцогов и графов – те правили своими землями, всяк по своему, и мало считаясь с королём, но, в отличие от Руси и Польши, ещё не воевали между собой, направляя свою воинственность на порабощение соседних народов – славян, прибалтов и арабов. Непосредственно в Германию входили: Саксония, Бавария, Лотарингия, Тюрингия, Фризия, Швабия, Франкония – исконно германские земли, а также земли Австрии и славян: ободритов, лютичей, поморов и лужицких сербов. Вассалами германского короля были Чехия, Бургундия и Италия. Королевство Сицилия считалось собственностью германского короля. Духовно-рыцарские ордена покорили часть Прибалтики, Пруссию и Мазовию, а в Палестине держали древние города Тир, Акру и Антиохию.

шийся рядом с Бату постоянно.

Аян упал на колени. Бату милостиво разрешил подняться, сесть на место у стены.

Братья молчали. Аян тоже.

– Ты привёл своих воинов? – спросил Бату.

– Да, мой хан.

Бату, словно размышляя, посмотрел на свои пальцы с за­скоруждыми ногтями.

– Великий хан Угедэй велел нам завершить покорение башкирских земель и очистить Заволжье... Ты поведёшь воинов в Башкирию.

Аян опустил голову в поклоне – он надеялся, что Бату оставит в своём орду или отправит на половцев в степи. Это Берке насоветовал. Как Аян приехал из Китая, сразу его от­дыхать отослал, а тут в трудный поход гонит. Крутит судьбой Аяна, как водоворот щепкой. Чего добивается? ... Чего-то, одному ему известного... Сломить? Отринуть от Бату? Как бы ни было, в поход придётся идти, и биться там, и выжить... Сколько сил на башкир положили Кокетай и Субедей, теперь отправляют его, Аяна, только поведёт он не монгольских воинов, а кыпчаков... Конечно, за годы войны большинство башкирских племён уже обескровлено, вырезано, какие-то приведены к покорности, но остались упрямые, биться придётся с ними в горах, поросшим лесом, а не в привычной степи...

С трёхтысячным отрядом кыпчаков Аян выступил мороз-

ным днём к Яику, в сторону разорённой Башкирии.

Кыпчаки из Сибири, в тот же день, после смотра, когда Бату и Орда сидели на своих лошадях и щурились на солнце, предоставив проверять готовность воинов нойонам-тысячникам и дотошному Берке, спорым маршем двинулись на Волжскую Булгарию. Бату беспокоили защитные валы, возведённые булгарами на границе степи и леса, но он надеялся на внезапность удара.

Переправившись по льду, Аян рассёк отряд на две колонны – тысяча нойона Хуры пошла по разорённым землям на запад Урала, а сам Аян, с двумя тысячами, двинулся по восточным склонам, сбил заслон башкир, ограбил брошенное стойбище, и встал постоянным лагерем. Отсюда его воины быстрыми и болезненными выпадами разорят округу.

Высланные сотни, за несколько дней, прочесали леса – башкиры ушли на север. Надо было двигаться следом – отступающие, неприменно, сцепятся с другими племенами, истерзают себя и ослабят соседей, а Аян будет бить в спину. Но он не давал приказа сниматься, что-то его удерживало.

От нойона Хуры прибыл гонец – тысяча уже дважды сшибалась с башкирской конницей и теснит врагов в горы...

Началась ростепель – чувствовалось приближение ранней весны. Юрт-джи – воины из далеко выдвинутых дозоров, донесли: башкиры не сцепились между собой, а объединились, и готовы напасть.

–Тысяч семь– восемь, – закончил юрт-джи.

–Хорошо. Иди отдыхать, – Аян задумался. Восемь тысяч сотрут его кыпчаков в порошок. Что ж, выходит, башкиры научились забывать междоусобные обиды. Это плохо.

–Караульный!

В юрту заглянул нукер.

–Ко мне нойонов тысяч.

Нойонам велел быть готовыми к отходу, а Хуре отправил гонца, чтобы его тысяча возвращалась.

Несколько дней Аян медлил, ожидая, пойдут башкиры или опять перегрызутся. От Хуры пришла весть – тысяча за переход от главного стана. В лагерь ворвался дозорный на взмыленном коне:

–Башкиры!

–Проворонили, – Аян сверкнул глазами на сотника, чьи воины следили за перемещением врага, зло хлестнул плетью. – Тысячи к бою! Гонца к Хуре – его тысяча обойдёт нас стороной и, с ходу, ударит по башкирам сзади. Биться будем здесь!

Вечером к стану подошли башкирские тысячи. Начался ожесточённый штурм. Аян смотрел на битву и думал, если Хура не успеет, сегодня монголы будут разбиты, и всех ждёт гибель.

Хура успел – с ходу врезался своей тысячей в башкирскую толпу, опрокинул. Над горами стоял рёв отхлынувших разгромленных башкир – бежали без оглядки.

Хура, крепкий багатур– весельчак, подъехал к Аяну

вплотную, упёр взгляд в его лицо, ловко сбросил с седла труп башкира.

–Вождь Залкат.

–Ещё одним вождём меньше, – бесстрастно произнёс Аян. – Теперь башкиры, точно, перегрызутся.

–Когда ты повелел оставить земли на западе, мы снялись и ушли, но нас преследовали объединённые отряды вождей Чика и Сыбата. Они уверовали, что мы уходим навсегда. Башкиры союзники болгар. Теперь они могут ударить в спину сибирцам.

Аян ухмыльнулся – сибирцы не могли взять болгарских валов, из-за своей малочисленности. Это Берке устроил подлость Шибану, чтобы не задавался. Каждый из его братьев, по задумке Берке, должен быть виновен в какой-нибудь неудаче, кроме него. Безупречный Берке. Ничего нет дороже безупречной репутации...

Аян сказал Хуре:

–Здесь враг рассеян, и уходит на север. Мы пойдём на юг, – Аян ещё раз посмотрел на убитого башкирского вождя. – Говоришь, твои «друзья» уверовали, что монголы ушли навсегда? Разочаруем их. Ударим неожиданно.

Хура оскалился в улыбке.

Через день тысячи стремительно рванули на юг. Весна обгоняла, грязь и ростепель мешали движению. Аян торопил. Воины устали после изматывающей битвы, но он не щадил их – пусть привыкают воевать по-монгольски – стремитель-

но и неустанно.

Измучившись переходом, отряд вышел в Предуралье, встав лагерем, разослали дозорных. Башкиры имели около тумена воинов. Биться с ними было безумием – послали гонца к сибирцам.

Через пять дней, Аян двинул тысячи вперёд. Башкиры знали, что «монголы» вернулись, и знали, что «монголов» чуть меньше трёх тысяч, потому искали битвы.

Но биться не пришлось – сибирские кыпчаки обрушились на врага с тыла, башкиры были разбиты, вожди погибли, много воинов было пленено... Этот успех покрывал неудачу в Бургарии – сибирцы, стремительной облавой, понесли по беззащитным стойбищам, захватывая скот и пленников, вплоть до Камы.

Узнав о победе, Аян остановил отряд в предгорье. Ждали, пока сойдёт снег, реки войдут в берега, подсохнет грязь, и степь покроют зелёные травы.

Хура жаловался на кыпчаков – будь у них монгольские воины, они бы справились с башкирами и без сибирцев. Но Аян посмеялся:

–Ты считаешь себя лучше Субедея?

–Причём здесь Субедей? – не понял Хура.

–Субедей имел два тумена отборной монгольской конницы, землю эту разорил, а ушёл ни с чем.

–Теперь башкиры не так сильны.

В котле булькала баранина, сдобренная черемшой. Аян с

детства любил запах разваренной черемши – запах родной монгольской степи. Баурчи шурился от дыма костра, с опаской посматривал на Хуру – нойон был тяжёл на руку в своих глупых шутках, мог «невзначай» двинуть кулаком под загривок, когда солишь бульон, потом докажи, что ты не крайний.

Аян смотрел на суету стана – воины чистили лошадей, чинили сбрую, затачивали наконечники стрел, варили пищу. Беспечны, довольны отдыхом, но не довольны походом – зима для них прошла бесполезно: добра захватили мало. Башкиры отвели табуны на север, в брошенных стойбищах утварь была скудная. Полон пришлось порубить перед быстрым отходом с востока, а на западе враг разбит сибирцами, и их седельные сумы переполнены.

Да, зима прошла даром. Бату не доволен Аяном – башкиры не сломлены, а надо идти дальше. Значит, вся тяжесть войны ляжет на весну и лето. Только бы Бату отозвал Аяна из Башкирии. Лучше бить половцев в степи. Кыпчаки для этого сгодятся, ведь кыпчаки и половцы – это один народ, названия разные, а народ один... Будут они бить друг друга, пока все не попадут под монгольскую власть!

Вскоре в лагерь прибыл гонец – Аян должен оставить свой отряд, и явиться в ханское орду. Бату с Берке и Ордой кочевали по среднему Яику.

– Хан Бату повелел с собой взять нойона, которому Аян передаст под начало отряд, – сообщил гонец.

Аян взволновался и испугался не на шутку. Что это? Бату

желал оставить при себе, для какого-то другого дела, или это опала за вялую зимнюю войну?

Встревоженный своей участью, Аян поручил тысячи нойону Каритаю, молодому парню – своему дальнему родственнику, а Хуре велел ехать с собой – Бату утвердит его начальником войск в Башкирии. Хура ликовал, но старался выглядеть хмурым, чтобы Аян не обиделся.

Прибыв в ханское орду, Аян с Хурой сразу же оказались в походной юрте Бату. Хан посмеивался, слушая хмурую болтовню Орды. Берке тоже улыбался. Сердце Аяна сжалось – чем так не угодил этому гадкому человеку?

Повелев подняться с колен и, указав на места, Бату произнёс:

–Мы довольны тобой, Аян.

Что-то новое. Чем быть довольным? Аян не понимал.

–Ты передашь свои тысячи этому нойону?

–Да, хан. Нойон Хура. Его удар решил исход битвы с воинами башкирского вождя Залката.

Бату оценивающе посмотрел на Хуру, удовлетворённо цокнул языком.

–Ты достоин похвалы, Хура. Назначаю тебя, нойон, начальником войска в землях башкир и, в дополнение, отдаю под твою руку две тысячи монгольских воинов.

Хура пал ниц. Две тысячи монголов! Это сила!

–До конца лета ты покоришь Башкирию! – велел Бату.

–Да, мой хан, – отозвался Хура.

–А ты, Аян, будешь воевать с булгарами и половцами. Мой брат Шибан, с вверенными ему сибирскими кыпчаками, обещал взять валы. Шибан поведёт ещё пять тысяч монголов! Против половцев останется один монгольский тумен. Я верю – этим летом копыта наших коней будут попирать Заволжье, и повергнут в прах ихъеденное сварами Булгарское ханство.

–Булгары крепко сидят за валами. Упустили время, – ядовито улыбнулся Берке.

–Перестань, Берке, – отмахнулся Бату. – Может, Шибана заменить тобой?

–У меня и в улусе дел много, – стушевался Берке.

Аян про себя усмехнулся – Берке воин здесь, в ханской юрте.

Через два дня, простившись с Хурой, Аян, в сопровождении личных нукеров, выехал за Яик.

Шибан готовил воинов к решительному удару. После разграбления западной Башкирии, он дал воинам продолжительный отдых. Под валы ходили только дозорные сотни.

Положение было не ахти какое: поверженные башкиры вновь повывлезали из лесных лощин и сбились в конные тысячи – будет Хуре работы. Булгары усилились сверх меры – дозоры сообщили: на валах тысячи воинов! Они скопили огромное войско, а это значило одно – перед угрозой гибели и разорения, они смогли объединиться! Некогда свергнутый болгарский хан убил князя из Биляра, унял всех непо-

Ярослав остановил послов на «отдых», отправив во Владимир гонца. Давила жара. Князь долго бегал по светлице, горя гневом на «немецкое оскорбление», но, ничего не объяснив, велел сидеть в его городе, а сам умчался к Пскову.

Сысой остался попечителем послов, смеялся и хмурился, обнимая Семёна, потом посуровел.

–Ладно, пойдём, перекусим.

–Лучше в баню, – подмигнул Семён. – Страшно сказать, полгода, а то больше, в бане не мылся.

–И вши есть?

–А куда без них.

В бане парились втроём – Сысой, Семён и, увязавшийся вслед, Микула.

Микула не щадно жёг вениками раскрасневшиеся тела воевод, плескал на каменку квас – хлебный дух резал ноздри. Семён хохотал:

–Умру, Микула! Замучал!

–Терпи, воевода! Банька наша, русская!

–Ярослав взбалмошный, – сказал о князе Семён.

–Али забыл его? Михаил снова натравил своих подкормышей – бузуют новгородские головы, – отозвался из клубов пара Сысой. – Наш бесится.

–Водовик же умер.

–Теперь, вместо Водовика Борис Негочевич и сын Водовика Глеб. Они воду мутят. Тоскуют по новгородскому столу.

–И что за буча?

Сысой, побряхтывая, слез с полок, облился из бадьи холодной водой, вскрикнул радостно.

–Что за буза? Известное дело – Михаил разве спустит, что на Серенск походом ходили? Вот, и настрополил своих Новгород подбивать против Ярослава. Только сорвалось. Борис и Глеб появились в Пскове, и мутили воду оттуда – знаешь же, псковичи первые недруги новгородцев! Ярослав окружил Псков, держит город без хлеба, соли. Ни одного обоза не впустил. Как узнал, что вы возвращаетесь, сюда вернулся, а тут весть – Борис с Глебом к немцам ушли. Правда, нет – не знаю.

После бани, обедали под навесом, на свежем воздухе. Ели жареную рыбу, отварную баранину, кашу. Сысой хотел спровадить Микулу, но тот важно осадил:

–Не тебе, удельному воеводе, величаться перед послом великого князя!

Сысой рассмеялся наглости, заметил Семёну:

–Бокий малый.

–Да уж, – согласился Семён. – А в Новгороде буча не поднялась?

–Сашка, сын Ярослава, новгородцев в кулаке держит. Да и у нас, слава богу, тихо.

–Как мои, не знаешь? – Семён всмотрелся в хмурое лицо Сысоа, боясь спросить, ездил ли тот в Нижний, разбираться с женой.

Сысой помолчал, внимательно пережевывая кашу, поперхнулся, отодвинул миску.

– Нигде не был, ни во Владимире, ни там... Сижу здесь без вылазно.

С болью глядя в лицо друга, сказал о своей жене:

– А, ну её, курву! Считай, умерла.

– Может и правильно, – согласился Семён. Сам вспомнил свою Агафью, и тут же Наталью, и сердитое лицо Петра Ослядюковича, будь он неладен!

Ночью спали в душном тереме. Семён пытал Сысою:

– Зачем Ярослав нас держит?

– Вместе с вами к Юрию поедет.

– Зачем?

– Выгоду искать.

– Какая выгода от посольства к немцам?

– Разбери мысли князя.

Ожидая возвращения Ярослава из под Пскова, Семён изнывал от желания ехать домой.

Когда, наконец, князь прибыл в Переяславль, раздосадованный на бегство новгородских противников, пришлось сидеть ещё неделю – Ярослав выслал к Юрию гонца, но выезжать не торопился.

– Приспееет время, поедем. Тебе куда спешить? – усмехнулся князь.

– Домой, к жене.

– Брось. Жена никуда не денется. Служба важнее.

–В чём же служба?

–В точном исполнении княжеской воли, – наставительно закончил Ярослав.

Что выжидал Ярослав, Семён так и не понял – то ли боялся, что Борис и Глеб вновь объявятся во Пскове, но приехали посольство во Владимир с Ярославом и его дружинниками не во время.

У Юрия сидели посланцы из Мурома и Рязани – разбитые монголами половцы, обезумевшей ордой налетели на буртасов и мордву, рассеяли заслоны и, беспощадным смерчем. Прошлись по сёлам, сожгли Пургасов городок на Мокше и Арзамас в землях эрзи. Толпы беженцев, перепуганных и голодных, заполнили муромское приграничье.

–Как бы на Муром не пошли, проклятушие, – говорил о половцах муромский воевода Аникей.

–Только половцев не хватало, – вздохнул Юрий.

–Их монголы гонят, – встрял в разговор Семён.

От Семёна отмахнулись.

–Не до монголов! Немцы – вот враги, – заговорил Ярослав. – И посольство не зря оскорбили – новых набегов жди!

–Не ко времени, Ярило, с немцами воевать, – отозвался Юрий.

–Собьём дружины суздальцев и новгородцев, прогоним немцев из Чуди.

–Ты заботишься о своих землях, я – о своих. Тут Владимир!

Юрию.

– Не я его затевал.

– А, на меня обиду держишь, – Пётр Ослядюкович ухмыльнулся, взял с блюда новый кусок. – Так ничего страшного! Ещё не известно, может, и утрём нос немцам.

Пётр Ослядюкович громко вздохнул, осушил ковш с квасом. Утеревшись, спросил:

– Чего стоишь? Садись, ешь. А, Семёна?

– Да, ладно, Пётр Ослядюкович, – Семён, улыбаясь, перекрестил лоб на образа, сел за стол.

В трапезную вошла холопка с новым ковшом кваса, ухнула его на стол.

– Марфа, что ли, баранины подай с луком! – сердито глянул на неё воевода.

– Могли бы и дома трапезничать! – Марфа надменно изогнула бровь и окатила ледяным взглядом дородного воеводу.

Пётр Ослядюкович хлопнул ладонью по столу – посуда подпрыгнула, Марфа взвизгнула, кинулась прочь, но, всё-таки, получила шлепок под зад. Засмеявшись, Пётр Ослядюкович подмигнул Семёну:

– Озорная баба. Распустил князь холопов. Слова не скажи. А где этот, посол второй? Микула бездельник.

– Здесь, в тереме, – ухмыляясь, отозвался Семён.

– Ну, не томи. Привёз дочери подарки?

– Привёз. Атласу, шёлку, зеркальце, кой-какие побрякушки.

– Молодец! Девка-то у меня, а, красавица! – воевода самодовольно засопел.

– Не знаю, – улыбнулся Семён, боясь поддакнуть и тем разозлить подозрительного Ослядюковича.

– Чего не знаешь? Наташку, что ли не видел?! Болтаешь. Ирод, – обиделся Пётр Ослядюкович.

– Да, ладно, Пётр Ослядюкович. Зачем ругаетесь? – отбивался Семён.

Марфа принесла деревянное блюдо, полное отварной баранины.

– Всё жрут на дармовую княжеское, – буркнула.

– А вот ожгу по заднице плетью! – заорал Пётр Ослядюкович. – Не посмотрю, что в княжеской светлице!

В трапезную ввалился Еремей, коренасто разбрасывая ноги, ущипнул Марфу за грудь, получил по рукам, засмеялся, садясь за стол.

– Здорово, Семён! Что, воевода, лай поднял?

– Ничего, – Пётр Ослядюкович уже остыл, вытирал рот тряпкой. – Князя грызутся?

– Нет, мирно. А куда Ярославу дёргать – половцы всю мордву потоптали, того гляди, на Муром попрут. Так что, дружину в кулак! Я поведу.

– А князь?

– Князь будет здесь сидеть. Руководить, – Еремей взялся за бараньи рёбра. – Семён, что хмурый, не ешь ничего?

– Домой пойду, глядишь, с новым походом и семьи не уви-

жу – погонят.

–Нужен ты, – Пётр Ослядюкович сытно зевнув, перекрестил рот. – Смотри, в Булгар бы ехать не пришлось! Это может быть. Слых идёт, болгары послов собирают к Юрию. Купчишки наши слых привезли. Давят их кочевники, а ты Юрия знаешь – прежде, чем ответ дать, он тебя к ним отправит осмотреться.

–Не дай бог, – буркнул Семён, вставая из-за стола. Сейчас бы надолго домой и покоя, а не ехать в чужбину.

Дома Агафья, показавшаяся за время разлуки неожиданно осунувшейся, начавшей стареть, повисла на шее, завывала.

–Ладно, Агафья. Муж вернулся, а ты воешь! – раздражённо отозвался Семён, отстраняя жену. Голову занимали мысли о словах первого воеводы – неужто погонят в болгарское посольство?

–Где сын? Где он? – оглядывая своё жилище, спросил Семён.

–Сын твой неслух! Бегает, шалит, спасу нет!... Так вот... Есть будешь, или уже с князьями пировал? – Агафья затравленно смотрела, пугаясь его отчуждённости, забытой ею за время разлуки. Думалось, раньше было всё складно и вот, что-то случилось, плохое и страшное.

–Видишь, только с дороги. Князья совещаются. Давай, ставь на стол, что есть. И вели холопке варить к вечеру посытней чего – Сысой в городе, у нас ночевать будет.

Агафья отошла в угол комнаты.

ля, и будет долго пахнуть мертвечиной. Орёл улетит в другую страну – ему нужна живая добыча, мертвечину клюют вороны.

Свита взяла в бок, чтобы не глотать пыль войска. Ехали быстро, но не утомляли коней. Примчался ещё один гонец от Тукея. Шибан, взмахом руки, отослал его прочь, не выслушав.

Кыпчаки и в этот раз не смогут пробиться на валы, а это значит, что придётся повторять штурм в другом месте, или здесь, после того, как отдохнут воины.

Монголов Шибан берёт, словно своих детей. Да и не могли они решить победы – пять тысяч, пусть отборных воинов, слишком мало, чтобы сбить впившихся клещами в укрепления многочисленных болгар – им было, что терять!

Гул штурма нарастал. Монгольские тысячи с рыси перешли на шаг и, наконец, встали. Свита подъехала к злому Тукею с его нойонами. Нойон был потным и грязным от поднятой пыли и, казалось, сам участвовал в ожесточённой рубке.

– Не возмёшь валов? – Шибан остановил коня, посмотрел на вязкую рубку на валах. Кыпчаки лезли наверх медленно, устало. Горы трупов мешали воинам под валами – приходилось идти по телам погибших.

– Хан, пошли в бой монголов! – попросил Тукей.

– Зачем? Чтобы на проклятых валах полегли лучшие воины? Монголы, в конных сшибках сделают больше, чем все кыпчаки, вместе взятые. И валы взять, я велел тебе, Тукей,

а, послав монголов, получится, возьму сам.

– Хан, позволь дать сигнал к отходу? Булгары просто вырубят моих воинов.

– Пусть, – с досадой отозвался Шибан, посмотрел на Аяна, начал перебирать в руках повод. Бату уже не раз присылал предупреждения – ему не нравилась бессмысленная толчея у валов.

– Хан, – Тукей выразительно сверкнул глазами. – Мы зря теряем воинов.

– Хорошо. Отводи с валов, – Шибан скривился и, завернув коня, поехал прочь.

Юрт-джи уже ставили шатёр и юрты, вкапывали коновязи. Аян остался с Тукеем, смотрел, как кыпчаки поспешно скатываются с валов, отходят, падают, пронзённые стрелами. Булгары радостно выли, добивая отступающих и потрясая мечами.

Аян тронул коня, не спеша поехал к валам.

– Куда?! – заорал Тукей.

– Хочу посмотреть поближе. За частоколом я вижу знатного воина, может, это их князь.

– Где?

– Вон там.

– Ого! – Тукей оживился, догнал Аяна, остановил коня. – Это же сам Адавлет. То-то здесь было так жарко. Может, и сам хан булгарский здесь.

Аян устремил взгляд на человека, который противостоял

своей волей натиску захватчиков. Молод. Не старше его, Аяна...

–Посмотри, князь Адавлет, – Адавлета тронул за локоть Збин. – Вон сам Тукей, монгольский нойон.

–А рядом?

–Не знаю. Его не знаю. Может, сам Шибан.

–Нет, это не Шибан, – решил Адавлет.

Сегодня он снова победил – монголы отходят. Они будут стоять под валами, зализывать раны, готовясь к новому удару. Сколько их было, этих ударов! Дотянуть бы до зимы, там легче будет – облить валы водой, да и холод, и пронзительный степной ветер, будут на стороне обороняющихся.

Не торопясь, припадая на ушибленную ногу, Адавлет спустился с валов вниз, сел на поданного коня, не спеша поехал к рубленной избе, у которой стоял в распахнутом халате дядя-хан.

Адавлет спешился.

–Всё! Уходят.

Хан промолчал, открыл дверь избы, пропал в тёмном проёме. Адавлет вошёл следом.

В душной, сумрачной комнате, он снял железный шлем, вытер мокрый лоб – не заметил, что вспотел, отстегнул железный нагрудник, накалённый на солнце.

Хан сидел на низком стульчике, указал на шёлковые подушки, разбросанные по устилавшим полы коврам.

–Садись, герой!

Слуга помог снять нагрудник, пояс с мечом. Адавлет уселся на подушки. В руке оказалась чаша с вином.

–Выпей, Адавлет, – хан помолчал, обдумывая слова. – Плохи дела.

–Плохи, дядя, – согласился Адавлет, отхлебнул вино – пить хотелось, но оно показалось невкусным, отдал чашу слуге.

–Слава богам, мы успели пресечь смуту. В стране порядок. Войско едино. Но нам ли тягаться в одиночку с монголами! Мы бьём их воинов, а они гонят других. Нужны союзники.

–Да, дядя. Что творится на юге? Половцы разбиты. Они разграбили наших данников бургасов и мордву. Монголам стоит только поднажать на юге, разбить последние заслоны и, путь в центр Булгарии открыт. Валам грошь цена.

–Я думал об этом. Надо просить помощи у русских. Надо слать к князю Юрию послов.

Адавлет молчал.

–Поедешь ты, – сказал хан.

–А войско? – уезжать на Русь не хотелось. Адавлет думал, что именно он может разгадать хитрые уловки врагов.

–Войско примет Халан.

–Но, почему я, дядя?

–Потому, что так решил я – хан. В прошлый раз, ты прекрасно справился – нам было тяжело, и ты привёз подтвер-

Микула сидел у костра, шлёпая по мокрому телу руками, отбиваясь от комаров.

–Ну, вас. Шутки нашли!

–Сколько тебе твердил – учись плавать, – наставлял Микулу Еремей.

–На что мне?

–Сейчас снова по яме пройтись заставлю, – улыбнулся Юрий.

–Не пойду!

Юрий благодушничал, смеялся забаве – половцы ушли из земель буртасов и мордвы, на границе затихло, и настроение было хорошим.

–Всю рыбу раз выпустил, теперь сам чисть! – дружинники поставили бадью с рыбой перед Микулой.

–Зачем? В глине запечём.

–А княжеская уха? Давай, не ленись!

Микула, голый, ушёл к воде, ругаясь, чистил рыбу. Остальные сидели у костра – пекли рыбу в глине. Юрий подсмеивался над приближёнными дружинниками, говорили ни о чём – о бабах, о рыбалке, охоте, старых походах.

Сысой лежал в тени сосны, на устилавшей землю прошлогодней хвое, грыз веточку. Семён сидел рядом, натирал тряпичей кинжал – лезвие играло бликами на солнце.

–Зачем остался? Расскажи, – приставал к Сысою.

–Устал от Ярослава.

–Да, ладно. Отпустил бы он тебя без крайней нужды.

Сысой не отзывался.

–В Нижний поедешь? – напрямую спросил Семён.

Сысой громко вздохнул, выбросил ветку.

–Поеду... Решил.

–Зачем, Сысой?

–Косы ей повыдергаю! В глаза бесстыжие загляну!

–Агану что сделаешь? Весь Нижний смеяться будет – бывший воевода жёнку проморгал, да ещё получил в пятак. А? – шутил Семён.

–Не смейся. Разберусь.

–Смотри, без глупостей.

–Не маленький.

На берег стремительно выехал верхоконный, поднял коня на дыбы.

–Где князь Юрий?

Увидев князя, спрыгнул с седла.

–Князь, гонец от князя Ивана из Стародуба – болгарские послы едут.

Юрий скривился. Опять что-то неладно!

–Зачем?

–Союза просить.

–С кем воевать?

–С монголами.

–А... Успеется... Отдыхай.

Князь смотрел, как в котле бурлит уха. Еремей ковырял щепочкой землю.

– Семён, иди-ка сюда! – позвал Юрий.

– Да, великий князь.

– Слышал – болгары едут.

– Слышал.

– Потому, на всякий случай, будь готов. Если что серьёзное, поедешь к ним, поглядишь на месте.

Сидевший под сосной, Сысой востепенел, резко поднялся и подошёл к костру.

– Великий князь, дозвожь Семёна до Нижнего проводить?

Все знали, зачем Сысою нужно в Нижний. Юрий ухмыльнулся.

– Не держу. Проводишь...

Послов князь Юрий принимал в Боголюбово. Семён увидел своего старого знакомого князя Адавлета. Тот улыбнулся Семёну, сразу сделал серьёзное лицо, с поклоном вручил послание болгарского хана в руки великого князя.

Юрий восседал в резном кресле. Передав послание Петру Осядюковичу, обратил внимание к послам.

– Неужто, так сильна опасность?

– Великий князь, вы никак не можете поверить, что монголам по силам разбить нас и напасть на Русь, – заговорил Адавлет.

– Ты говорил об этом в прошлый раз, посол. Прошло время, всё тихо. Они не только не дошли до нас, но не ворвались и в ваши земли. Разве не так?

– Тогда нам повезло – монголы ударили на половцев. По-

ловцы очистили почти все степи по Волге. Если монголы захватят земли буртасов, они выйдут к нашим городам.

Юрий задумался – монголы бьют половцев, половцы разорили буртасов. В степи бушует кровавая война. Если, действительно, всё правда, и монголы собираются завоевать булгар, а после идти на Русь, на их пути встанет Нижний Новгород. Надо срочно укреплять город. И, надо, конечно, точно выяснить степень опасности.

–Тяжело дать ответ, посол. В прошлый раз реальной угрозы для Булгарии не было.

–Они сбили наши заставы по Яику и оттеснили нас из степи в лес. В Булгарии царил хаос. Это помешало нам дать отпор. Теперь идут бои на валах. Монголы штурмуют укрепления. Нам необходима срочная помощь! Военная!

–Монголы сильны? – спросил Юрий.

–Я руководил войском на границе – они храбры и жестоки. И ещё – на укрепления гонят кыпчакских воинов. Их не жалеют, кладут тысячами. И гонят новых...

–Кыпчаков? Это степняки?

–Подчинённые монголам половцы. Половцы живут в огромной степи и их миллион! Но они разрозненны, каждый род сам по себе. Потому они во власти монголов. Так что, у монголов очень много кыпчакских воинов. Но главная сила монголов – сами монголы! Теперь нам придётся воевать именно с монголами! Если монголов будет много, очень много – мы погибнем!

–Откуда у вас сведения о желании монголов завоевать Булгарское ханство?

–Сведения есть! Монголы ненасытны в своих завоеваниях! Они покорили Северный Китай и ведут сейчас большую войну в центральном Китае.

–Китай? Это где-то очень далеко?

–Для монголов нет понятия – далеко! Их быстрая конница делает многодневные переходы, не уставая и не останавливаясь.

–Выходит, ни Булгария, ни Русь, даже объединившись, не смогут противостоять монголам?

–Наши соседи – башкиры, воюют уже несколько лет. Если бы башкирские племена были объединены, война могла быть не такой опустошительной, а сейчас там пустыня! Мы надеемся, что союз Булгарии и Руси заставит задуматься монголов – стоит ли, вообще, затевать войну с союзом двух сильных государств.

–Да, но я только князь Суздали. А есть ещё Михаил в Чернигове, Владимир в Киеве, Даниил на Волыни, князя Смоленска, земли Пскова, Новгорода.

–Мы заключим союз со всей Русью! – глаза Адавлета вспыхнули решимостью.

В зале все заулыбались. Ухмыльнулся и Юрий – не понимают болгары, что Русь не объединить ничем: ни общей целью, ни опасностью порабощения – слишком независимы и самолюбивы великие князья. Хорошо, хоть междоусобной

ВОЙНЫ НЕТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.